

Мужское начало в крестьянском доме

Прялка. Она выступала с древних времен в роли мужского начала. Она всегда изготавливалась мужчиной и была традиционным мужским подарком дочери, невесте, жене, считавшейся олицетворением женского начала в процессе прядения. Неизменный атрибут быта крестьянки, коротающей длинные зимние вечера за накручиванием нитки на веретено или на девичьих супрядках показывающей свое мастерство пряхи, или получающей от жёна подношение - расписную резную прялку.

ярко выраженного типа росписи прялок, крестьяне заимствовали мотивы росписей из других северных районов (ракульская, шенкурская, ранний Борок, борецкая, пермогорская, пучужская, нижнетоемская росписи). В фондах МУК «Котласский краеведческий музей» с 1979 года хранится переданная Н. И. Прядиловым прялка, отличающаяся тонким изящным рисунком и яркостью цвета, характерными для пучужской росписи.

Некоторые исследователи говорят о связи русской прялки с культом плодородия, приводя в пример традицию крестьянских женщин на Масленичной неделе «в чистый понедельник кататься на донцах, чтобы лен уродился». На Святки же парни отбирали у девушек прялки и «хоронили», поскольку прялка символизировала собой начало святочных дней, когда не разрешалось пряхать и ткать.

Чтобы хозяйка не скучала за монотонной работой прядения, художник наряжал прялку в резной узор или расписывал.

В Котласском районе не было

нижнетоемская, пучужская и борецкая росписи - единый вид северодвинской белофонной росписи - были распространены в деревне Первая Жерлыгинская (Верхнетоемский р-он), селе Пучуга (Верхнетоемский р-он), деревне Скобели (Виноградовский р-он). Существует предположение, что когда-то здесь существовал один центр росписи - деревня Борок. Позднее рядом возникли еще два центра - Пучуга и Жерлыгинская, чья роспись отличалась от борецкой незначительными деталями.

Борецкие прялки, в большом

количестве украшавшиеся сочным, ярким растительным орнаментом на белоснежном фоне, сверкающие сусальным золотом, обычно были большие по размеру, венчались четким рядом крупных маковок, широкая лопасть с двумя круглыми серьгами переходила в резную нарядную ножку.

На рубеже XIX и XX вв. самой распространенной была композиция лопасти, четко делившаяся на три части. Внизу «став с конем»: сцена катания - одна (или пара) упитанная лошадь, запряженная в сани с кибиткой на плотном фоне из вьющихся побегов. В центре - средний став: в фигурной арке сказочные птицы на ветках пышного куста или дерева. До XX века в этой части лопасти изображалось крыльцо терема. В верхнем «ставе с оконцами» помещались позолоченные окна с цветами, между ними красовались цветы и птицы.

В 25 км от пристани Борок в селе Пучуга также народные мастера создавали свои выразительные произведения искусства, близкие по характеру

росписи к борецкой, но отличающиеся от нее орнаментом на ножке прялки. На стояке пучужской прялки обычно изображался вьющийся стебель с листьями и красными ягодками на конце (вместо прямого стебля на борецкой прялке), завершавшийся круглой узорной розеткой. Основными

цветами были белый цвет фона, красный растительного узора, дополнительными - ярко-зеленый мелких листочков, иногда синий.

Оборот лопасти пучужской прялки был разделен на две части, роспись верхней служила рамой из крупного орнамента для кудели, в нижней нередко повторялась сцена «става с конем».

На рубеже XIX-XX вв. получили известность такие мастера пучужской росписи, как отец и сын Кузнецовы Филипп Федорович и Федор Филиппович (1892-1957).

Прялки Пучуги делали около одного метра высотой, с крупной лопастью из цельного куска ели или сосны. Такие прялки получили название «копильная» (корневая). По форме прялку часто сравнивали с образом девушки - на голове ее корона, в ушах серьги, коса толстая спускается до пояса. В фигурных маковках, серьгах и ножке видели также отражение особенностей северной архитектуры - крыши деревянной церкви, узорного фасада избы.

Несомненно, простой предмет обихода деревенской женщины был не так прост. В прялке издревле был заложен особый смысл, представления народа о начале жизни и смерти, о природном плодородии и богатстве. Как, впрочем, и во всем, что окружало крестьянского человека.

Мария ЦВЕЧЕНКО.